

Алая заря

Пролог

Алая заря восходит над миром в бесчисленный по счёту раз. И не найдется учёного, что возьмёт на себя смелость прикинуть, сколь много разного и в то же время неизменного произошло за все ушедшие циклы, когда солнечные лучи освещали поверхность Земли. Всякие дела множат сами себя, и каждый плод труда соперничает по природе своей с противоположным. Под солнцем ютятся множество крайностей, причудливых и непохожих, и общее между ними — непримиримая вражда. Быть может, если бы Земля наша не имела концов, то всё живущее на её просторах разлетелось бы прочь друг от друга, но экватор, словно ошейник, стянул полотно планеты, вынуждая всех держаться вместе. Жестокая логика выживания заставляет каждого сталкиваться с антагонистом рогами и грудью, расщепляясь и смешиваясь в прах, от зари и до зари, от поколения к поколению. Всё живое строит свои воздушные замки на костях, стремясь покинуть через их высокие эфемерные башни этот равнодушный мир. Есть ли в этом смысл? Об этом можно задуматься лишь в самый тёмный и короткий час ночи, когда всё живое замирает, переводя дух. Но лишь только алая заря осветит лесные и горные тропы, всё начнется сызнова.

Ранний час впустил в себя слишком много солнечного жара. Тяжёлая духота повисла на вялых телах всего живого. Час за часом, до самого заката, мир будет раскаляться, словно горнило кузнеца. Лучше бы скрыться в тени густого каштана и переждать ярость солнца до той поры, пока вечерние часы не принесут долгожданную прохладу. Только ящеры всех мастей высунулись из-под камней, подставляя гладкие бока жгучим лучам, — их завсегда холодная кровь будто закипает, и в такие дни они особенно остро ощущают собственное существование. То же касается и легионов гнусов, что кружат в дрожащих потоках воздуха. Грозные их флотилии готовы к немедленному и безрассудному нападению на всякое полнокровное

тело, но в то же время на них самих ведётся охота. Крылатая тень лихо, раз за разом, проносится сквозь рой, заметно убавляя поголовье кровососов.

Прекрасная ласточка с блестящими на свету тонкими крыльями радуется удачной охоте. Совсем недавно она построила уютное гнездо под навесом террасы, что создал человек. Теперь там лежали крошечные яйца, которые она снесла не без труда. Молодая мать постаралась на славу и создала все условия для взращивания собственного наследия. По всем правилам и со всяким старанием проживала жизнь маленькая ласточка. День и ночь она стерегла нерождённое ещё потомство, отлучаясь лишь ради урывистых кормлений для поддержания собственных сил. Всегда находясь поблизости, ласточка то и дело подлетала к гнезду, с нежностью и радостью осматривая драгоценную кладку. Всё удачно и славно устроено в её мире. Благоклонны к ней и природа, и человек. Птахе будет чем кормить поросль, а величественный свод, что построил для неё человек, будет сохранять птенцов от холодных дождей и палящего солнца. Чудно устроен мир, и всего в нём хватает вдоволь, и для каждого найдется место и занятие — так рассуждала маленькая ласточка, рассекая точёными крылышками свободное небо.

Плотно набив брюшко комарами и мошками, птаха вернулась в гнездо. С высоты своего насеста она с интересом наблюдала за человеком на террасе. Жара подняла того на ноги раньше обычного. По-хозяйски величаво и небрежно человек развалился в плетеном кресле, время от времени потягивая кофе из крошечной белой чашечки. Великан без конца зевал, чесался и растирал шею.

«Как прекрасен человек, и как велики дела его рук! – с восторгом думала маленькая ласточка. – Как чудно этот титан устроил мир вокруг себя, таким образом, что и для нее, и для ее потомства в нем есть отличное местечко. Будь благословен человек за его чуткое и сердобольное сердце, что не черствеет даже в этом суровом мире. Пусть потомство его живет и плодится по всем землям».

Птаха с великой благодарностью относилась к своему покровителю. Она старалась не докучать могущественному существу, не мельтешить перед глазами. Лишь изредка, не в силах сдержать трепет жизнелюбия, из груди ее вырывались раскатыстые трели – то были хвалебные оды, что она неизменно посвящала возлюбленному человеку.

Человек же зачастую обращал внимание на ее песнопения, поднимая взгляд к гнездовью, что неизменно служило для ласточки знаком расположения со стороны высшего существа. Искреннее почтение – это все, чем могла отблагодарить птаха великого двуногого. Человек, облаченный в собственное всесилие, не нуждался в ней, а вот она, дрожащая всем естеством своим над маленькой кладкой, не представляла себе существования вне исполинских чертогов человеческих. Сложные и твердые, словно скалы, невероятные на вид конструкции надежно укрывали ее гнездо от любой опасности сверху, а земные подступы под сводами надежно охранял четвероногий слуга человеческий.

Маленькая ласточка с испугом глянула на черного, как августовская ночь, пса, что смиренно лежал у хозяйских ног. Псу было жарко – он развалился в тени под кофейным столиком, почти слившись с ней. Лишь сахарно-белые клыки проглядывались из бесформенной темноты, указывая на затаившуюся там опасность.

День тянулся лениво и неспешно. Человек продолжал сидеть на террасе и поглядывать по сторонам, время от времени ловким движением утирая рукавом пот со лба. Вместо маленькой чашечки перед ним стояла влажная бутылка из темного стекла с высоким горлышком. Периодически человек совершал глоток, а затем некоторое время довольно сопел и причмокивал.

Маленькой ласточке было спокойно в присутствии человека. Всё утро она украдкой следила за ним, пытаясь понять, на что он смотрит и о чем думает. Об этом, разумеется, можно было лишь догадываться. И птаха, разомлев от жары, принялась фантазировать в привычной для себя манере.

О чем может думать человек? Очевидно, что человек думает о мире вокруг. Думает по-особенному, соразмерно грандиозному своему интеллекту. Не так как думает она сама — мелко и прагматично, заботясь лишь о каждодневном выживании и бытовых хлопотах. И того более, нежели летучая мошка, что не имеет внутренней силы к хоть какому-то рода мышлению и кружит в воздухе по велению ветра, в малой степени отличная от земной пыли. Всякого рода суета не трогает высокий человеческий лоб. Все его мысли направлены в глубины мироздания, в которых он ищет, несомненно, лишь одно — идеал. Час за часом, день за днем, в жару и стужу, ночью и среди белого дня человек неустанно разыскивает идеал. Это тяжкий труд, на который побуждает человека милость и щедрость, что рождается внутри него от великого сострадания всякому живому и слабому. Из фрагментов идеала, что подняты на поверхность мироздания состоят, к примеру, своды этого благословенного жилища и много чего другого в мире людей, не доступного её пониманию. Вероятно, даже пенящаяся жидкость в высокой темной бутылке — тоже фрагмент идеала. Не зря ведь на лице человека отражалось столь очевидное благодушие и довольство каждый раз, когда он с хлопком открывал одну из таких, а затем совершал неспешный затяжной глоток. Вероятно, то был некий отвар, чьи чудесные свойства помогали человеку сосредоточиться на проблемах этого мира, увидеть реальность острее и чётче, тем самым увереннее проникать в суть вещей.

Восторженные размышления маленькой ласточки незаметно перетекли в образные сновидения.

Ей виделось, как человек, уменьшенный во сто крат, весело танцует вместе со своим псом на краю бутылочного горлышка. Затем человек делает невероятный кульбит и ныряет в стеклянный колодец. С брызгами и пеной он падает в темно-золотистые воды, и тут же с ним происходят чудесные метаморфозы. Тело человека стремительно меняет форму — вытягивается и утолщается, задние конечности сращиваясь образуют могучий хвост, передние же укорачиваются до двух аккуратных плавников. Человек обретает новую форму для

путешествия в глубины бытия. Новое существо – прекрасно и грациозно, тело его облечено в толстую и упругую серо-голубую кожу, а на спине красуется выпуклый треугольный плавник. Подводный зверь выглядит доброжелательно и время от времени издает радостный свистящий щебет. Движения его естественны и стремительны – становится ясно, что подобная акватория для него родное и понятное пространство. Человек, пользуясь возможностями нового тела, резво по спирали уходит на дно бутылки, где, как кажется, и собирается достичь идеала. С гладкой поверхности бутылочного дна длинным носом человек подхватывает нечто мерцающее и переливающееся на свету, словно волшебные жемчужины. Маленькой ласточке невероятно интересно знать, что же это. Она выпархивает из гнезда и приземляется на горлышко. Склоняясь над бездной, птица заглядывает во внутрь. Среди россыпи радужных пузырей, сбивающихся в густую пену, она отчётливо видит силуэт человека, что стремительно несется к поверхности, неся на кончике носа сокровище ранее на дне сокровище. Что же это? Ласточка напрягает зрение, пытаясь сфокусироваться на ярком, как маленькое солнце, предмете. Наконец всё становится очевидно. Это же ее кладка яиц! Три очаровательных яйца, обрамленных в аккуратное гнездо, что было сделано их матерью в трудах со всем старанием. Какой восторг! Ласточка замороженно смотрит на чудесную картину, открывшуюся ее взору...

От сладкого сновидения ее пробуждает яростный собачий лай. Огромный чёрный кобель вылетел из-под стола и что было сил облаял соседскую кошку, которая, спеша по каким-то своим делам, зашла куда не следовало. Кошка скользнула по забору и вмиг оказалась на недоступной для неуклюжего пса высоте. Через секунду она исчезла за другой стороной забора, на прощание одарив недоброжелателя презрительным шипением. Пёс, недовольно бурча, будто покашливая, удалился обратно в тень террасы, как словно бы капля чернил стекает обратно в чернильницу. «Громкий лай, должно быть, распугал всю живность в округе, – подумала маленькая ласточка. Стоит поторопиться и слетать к дороге, где над высокими кустами роились тучи жирной мошкары». Птица

внимательно осмотрела окрестности и, не обнаружив ничего подозрительного, выпорхнула из гнезда, после чего стремглав понеслась вдаль. «Я обернусь мигом – быстрее, чем солнечный диск в небе опустится хоть на пол пера», – подумала маленькая ласточка.

Жара. Жара и неудача от самого восхода. «Черт знает что», – уныло подумала облезлая ворона. Сегодня жизнь казалась совсем безрадостной, даже гаже обычного. Началось все с того, что её разбудил гул живых человеческих железяк, с помощью которых они убивают траву, срезая ее от земли. Пришлось вставать на крыло и лететь прочь. Несмотря на зной, ворона зябко встрепенулась, вспомнив о человеках. «Человек, без сомнения, злой, очень даже. Но он сильный! А значит главный, и потому ему всё дозволено. Ах вот бы мне столько власти, как у человека! Как бы я зажила, вот как бы я тогда зажила...» – от подобных представлений у вороны закружилась голова. А может это от трёхдневного голода, как знать? Птица покачнулась на ветке. Она сидела тут уже несколько часов к ряду, ожидая, когда с огорода, что начинается за забором не так далеко впереди, уйдет человек. Тогда она сможет наконец хорошенько набить брюхо. Словно бы не заботясь о пустом желудке вороны, человек и не думал уходить. Он стоял как вкопанный посреди грядок с распротёртыми в стороны руками, время от времени немного поворачиваясь то в одну, то в другую сторону, при этом громко лязгая зажатými в кулаках жестяными банками.

В отличие от своих сородичей, облезлая ворона не отличалась особым умом. Может поэтому она была такой голодной и облезлой? Но как и все облезлые вороны, она об этом никогда не задумывалась. Голова её была занята постоянным поиском возможности обхитрить мир вокруг. Это казалось справедливым, ведь мир, в свою очередь, бесконечно обманывал её саму. Сколько она себя помнила, другие вороны обижали её, всякий раз оставляя без пропитания. Даже мелкие наглые гады – воробьи – умудрялись оставлять ее с пустым клювом. Облезлая ворона точно знала – хочешь выжить, хватайся за

любую возможность и не чурайся никаких методов. Если играть по-честному, всегда найдется кто-то ловчее тебя.

Человек в огороде, словно не подверженный ни жаре, ни усталости, продолжал своё многочасовое бдение. Длинные гряды густых растений с россыпями ярких ягод на веточках манили ворону, но страх перед человеком был непреодолим. Слишком много плохого, слишком много жестокости она повидала от этого бескрылого племени. Бессчётное количество её собратьев полегло от метких выстрелов, еще больше – отравили. Не счесть разорённых человеком вороньих гнёзд.

«Злые-злые и не хотят делиться. Забрали себе всё пропитание и жируют, – думала голодная ворона, щурясь на горбатую фигуру человека, чахнувшего над урожаем. – Обставить человека не только не зазорно, но честь для любой вороны».

Голодная птица тешила себя мыслью, что человек рано или поздно скроется в своём гигантском каменном гнезде. На её удивление, ни одной другой птицы не виднелось в округе, что при должном размышлении могло показаться странным. Ворона же, не склонная к излишним размышлениям, радовалась, предвкушая, что вся нажива достанется лишь ей одной. В то же время она немного нервничала, что конкуренты могут заявиться в любой момент, и тогда придется делиться, а всего скорее довольствоваться остатками. Подобные мысли, подстегиваемые голодом, разжигали нетерпение. Ворона прыгала с ветки на ветку, не в силах совладать с собой.

Когда солнце поднялось довольно высоко в небо, и жара стала непереносимой, терпение окончательно покинуло облезлую ворону. Она решила, что человек не уходит от того, что сумел приметить её среди ветвей. Сорвавшись с ветки, она полетела кругом, нарочито вставляя себя напоказ. Всё – улетела. Облетев же жилище человека, ворона незаметно присела на высокой крыше, так чтобы из-за козырька подглядывать за огородом. Взяв себя за клюв, она принялась выжидать. Не прикрытая более завесой из листьев,

вскоре ворона стала изнемогать от жары. Укрыться от палящего зноя было негде.

«Проклятый человек строит свои уродливые гнезда так, чтобы никому, кроме него, не было места в них. Хитрый, какой хитрый зверь, этот человек! – с восхищением думала затаившаяся ворона. – Но всё же не хитрее меня, хо-хо!». За приятными мыслями о скором долгожданном обеде она незаметно для себя задремала.

Снилось вороне, что она стала человеком. Она избавилась от своего маленького слабого тельца и стала великаном, ничем не меньше того, что охранял огород. Голова её осталась прежней, а от шеи и ниже всё стало как у людей. Ворона-человек с важным видом ходила вокруг грядок, то и дело срывая себе какое-нибудь лакомство. Каркая, подобно раскатистому грому, она пинала всё живое, что пыталось посягнуть на её имущество. Мыши, кошки, собаки, прочие птицы в ужасе разбегались, только лишь завидев её длинный блестящий клюв. Ворона горстями рвала ягоды, и на их месте, как по волшебству, тут же появлялись новые. Делиться тем не менее она ни с кем не собиралась, ведь и с ней никогда и никто не делился. Другие вороны, признавая в ней бывшую родственницу, робко садились на забор и заискивающе каркали. Тупицам было неизвестно, что никакая словоохотливая лесть им не поможет. Ворона-человек хватает их грубыми руками, а затем швыряет далеко за забор. Остальные наспех взлетают, чтобы не почувствовать на себе ярость могучего человека. По привычке она пытается взлететь, чтобы погнаться за трусами, но вспоминает, что у неё больше нет крыльев. Разочарование мелькает в её сознании, но уже через секунду это проходит. К чему ей крылья, когда у неё теперь полно еды? Ей не нужно никуда летать. Отныне центр мира – там, где находится она сама. Центр мира всегда там, где больше всего еды. Пусть другие суется и пляшут, а она будет неспешно расхаживать вокруг своего каменного гнезда, наслаждаясь сытой и неуязвимой жизнью. И всякая тварь из-за высоких кустов и ветвей деревьев станет боязливо и завистливо глядеть на неё, сверкая голодными глазами. И зрелище то будет усладой для её ума! Словно бы прочтя её мысли, побитые вороны, смиренно опустив головы, летят к ней навстречу,

не без причины сбившись плотной стаей. На спинах у них тяжелым грузом покоится огромная, покрытая золотистой фольгой ребристая крышка от бутылки. Ворона-человек довольна. Уперев руки в бока, она горделиво ждёт, пока бывшие собратья суетливо возлагают на чернявую голову золотую крышку как знак власти. Теперь она – королева ворон; а в скором времени, объединив человеческую силу и воронью смекалку, нет сомнений, станет и королевой всех людей. Сверкая позолотой на челе, она милостиво сыплет хлеб и рыбы потроха вокруг себя, и новые подданные устремляются к её ногам, жадно склевывая подачку. Глаз королевы падает на куст сочной спелой клубники, что растёт чуть впереди. Алые, источающие сахар ягоды сводят с ума дурманящим запахом и прекрасным своим видом. Она заворожено глядит на спелые плоды, и клюв её поневоле открывается в предвкушении...

Глухой собачий лай заставляет ворону вспорхнуть от неожиданности. Сладкие грёзы быстро сменяются неприятелятельной былью. Она с досадой принимает реальность. Впрочем, почувствовать вновь силу крыльев – весьма приятно.

Человек в угрожающей стойке, не сулящей всем воронам на свете ничего доброго, до сих пор не покинул свой пост. За проявляемое усердие голодная ворона трижды прокляла того в сердцах. Ворона перегрелась на раскалившейся крыше, её мучит жажда. Пернатая осматривается по сторонам в надежде найти хоть каплю воды, но тщетно. Зато взгляд её ловит быстрюю чёрную тень, что выстреливает из-под крыши и уносится в сторону дороги.

«Глупая ласточка», – тут же решила облезлая ворона. Без интереса она проводила птаху взглядом и уже намеревалась забыть о ней навсегда, как вдруг в её голову прокралось подозрение.

«Что эта мелюзга здесь забыла, в таком опасном месте? – спросила себя ворона и тут же в ответ получила гениальную догадку.

– Ну конечно! Та построила своё гнездо в самом сердце человеческих владений, отлично понимая, что дурная слава

бескрылого отпугнёт от кладки любого хищника. Рискованно, конечно, но очень оригинально! – восторгалась ворона не столько прозорливостью ласточки, сколько своей великолепной пронизательностью». Ворона глянула в огород и, поняв, что там ничего не изменилось, быстро спорхнула на край крыши – в то место, откуда вылетела ласточка. Наклонив голову, она заглянула за край. Под крышей ворона обнаружила ещё одного человека – он сидел в кресле почти так же бездвижно, как и тот, что в огороде, лишь изредка делая глоток из тёмной бутылки. В отличие от сородича, он выглядел не агрессивно, а расслаблено, словно готовился ко сну. Больше никого не было. Ворона осмотрела пространство под потолком и обнаружила в углу маленькое чернеющее пятно – гнездо ласточки.

Облезлая ворона боязливо покосилась на человека. Тот смотрел в другую сторону. Не мешкая, ворона пролетела под крышей и впечаталась в маленькое гнездо. Удача! Внутри целая кладка. Голодная ворона стала жадно пожирать яйца, давась, быстро проталкивая в глотку одно за другим. Покончив с кладкой, птица в ужасе оглянулась на человека. Тот не проявлял никакого беспокойства – казалось, он вообще не заметил дерзкого вторжения.

Осознав, что ей не грозит опасность, ворона возгордилась.

«Что за удача?! Что за отличный денек?!» – дивилась сытая ворона. – Всё мне сегодня по крылу! Всех умнее и ловчее, даже человека провела».

Возомнила облезлая ворона, что недавний сон её – пророчество. И хоть не буквально, но метафорически суждено судьбой ей стать владыкой человеческих хозяйств. Мысли эти так приятно разливались по телу, что ворона не удержалась и каркнула от удовольствия.

Человек в кресле повертел головой, но не сообразил, откуда шёл звук. Ворона замерла, но, проследив за человеком, уверовала в свою безнаказанность.

«Этот человек – лопух, – окончательно решила птица. – Думаю, тот второй, что в огороде, ничем не лучше».

С мыслью о том, что всё здесь – теперь её добыча, ворона сорвалась с крыши и, более не стесняясь, пронеслась перед самыми глазами человека. Ей очень хотелось, чтобы бескрылый, наконец, заметил её, перед тем, как она обчистит его владения. Вороне было важно, чтобы глупый человек знал о том, кто именно его обставил.

«Пусть знает наших!» – с гордостью подумала ворона и уже открыла клюв, чтобы на прощание громко каркнуть на человека, но тут белоснежные клыки вынырнули из темноты под столиком и сомкнулись на её хрупком тельце.

Жизнь вороны прервалась за секунду, и налитые кровью бешеные глаза – последнее, что она успела увидеть перед тем, как мир для неё померк навсегда.

«Адское пекло! Верно, сам бог войны обратил свой взор на нас сегодня, — думал чёрный пёс, лениво выглядывая из теневого убежища во двор. — Придётся переждать здесь, если не хочу бесславно иссохнуть до костей».

Человек зашевелил ногами под столом, пихнув пса в бок. Пёс недовольно поморщился.

«Даже вождь сегодня не высовывает нос за пределы нашего форта. Его голая шкура — тонкая, словно крылья насекомого — не способна выстоять против ярости солнцезбога. Впрочем, как не терпит она и кусачего, и сковывающего хладомора. Вождь всякий раз укрывается от боя, несмотря на свою могучую силу. Может статься, сила его — лишь фарс, лишь легенда?!»

Пёс не успел развить эту мысль — инстинкты его заставили перевести внимание на подозрительную активность на подконтрольных территориях. Крохотное чёрное пятно юркнуло под потолком и исчезло в таком же крошечном уродливом гнезде.

Пёс расслабился. Это лишь маленькая птичка, которая поселилась в углу крыши, сваяв там убогое своё убежище. Пёс не терпел любых чужаков, но вождь позволял птахе жить рядом с ними, а значит субординация предписывала ему смиряться. Но только лишь в присутствии вождя. Если однажды они останутся один на один, и пернатая окажется слишком глупа, чтобы не держать приличный отрыв по высоте, то пёс не усомнится в том, как следует поступить с подобным нарушителем границ.

Зверь завалился на бок и тяжело вздохнул.

«Скука, скука... Жара тянет из меня силы... Даже и брюхо насытилось зноем и не жаждет мясистых костей. Духота повязала лапы не хуже цепей, не оставив в них удалой резвости. Воля моя тает под жаркими лучам — не чувствую привычной ярости и задора... И тяжелеют, опускаются веки...»

Сон одолевает бывалого воина.

Снится ему, как и всегда прежде, пыл доброй битвы. Бескрайнее поле расстилается под его лапами, а небо над головой темнеет багрянцем от лучей огромного кровавого солнца, что клонится к закату — то сам бог войны смотрит с небес на ярую сечу. В удали преисполненный пёс впивается клыками в загривки соседских собак, что кружат вокруг него, и расшвыривает их в стороны, словно слепых щенят. Те, трусливо визжа, словно беспородные сучки, поджимают трясущиеся хвосты, признавая авторитет его силы. Жалкие трусы! Нет для пса равного соперника, с кем бы он мог сцепиться в смертельном вихре. Какая скука и какое разочарование!

Когда последний противник уполз на брюхе прочь, взгляду пса открылась огромная куча говяжьих костей. Куча эта выше его холки

и смердит разложением. Чёрный пёс жадно вдыхает чудный аромат, и большая пасть его наполняется слюной. Он бежит к своей награде, что ждёт победителя, но тут оглушительный гром раскатывается по небесам. В ту же секунду ураганный ветер обрушивается на землю, пригибая высокую траву и вороша длинную густую шерсть на могучем теле пса.

Этот сводящий с ума гул знаком псу. Это голос самой смерти. Грядет противник, что не знает поражений, что не по зубам и самому лихому бойцу. Пёс оглядываться по сторонам, пытается сдержать страх, но уши его невольно поджимаются, а лапы слабеют. Протяжный вой, что несётся с безумным ветром, усиливается с каждым мгновением. Почерневшие небеса разом раскалываются, и огромная голова чудища показывается из-за косматых туч.

Безобразная морда на длинной худой шее, не похожая ни на что — без глаз, ушей и носа — закрыла собой полнеба. Лишь только пасть воющего дракона, лишённая зубов, всегда открыта — его голод вечен. Пёс стал отчаянно лаять на дракона, но звук его голоса потерялся в ураганном ветре. Маленькие камешки и всякий земной сор стали подниматься в воздух и уноситься прямым в разинутую пасть чудовища. Пёс почувствовал, как незримые силы пытаются оторвать от поверхности и его самого. Он прижался к земле, впиваясь когтями в рыхлую почву. Долго ему не продержаться. Тем временем дракон всё ниже опускал свою прямоугольную беззубую пасть, намереваясь раз и навсегда расправится с псом.

Чудовище не знает боли и страха — шкура его неуязвима для клыков. Это конец. Ужас велит псу бежать без оглядки — он делает попытку, но лапы будто ватные. Пёс в отчаянии совершает рывок и ещё один, но почти не сдвигается с места. Чёрная пасть дракона нависает над ним — ещё немного, и пса затянет в бездонное чрево.

— Мяу! Мяу! Мяу! — пискляво выдавил из себя дракон ненавистные для всякого порядочного пса звуки.

Дурной сон развеялся, и пёс открыл глаза.

— Мяу! — вновь доносится до его ушей.

Ярость мгновенно вскипает в груди чёрного пса, а глаза застилает кровавая пелена — он вскакивает на лапы и что есть силы мчит, чтобы найти и покарать лютого неприятеля.

Проклятая кошка, завидя пса, в трусливой манере, присущей всему их позорному племени, сигает на крепостные стены. Ловкая бестия усмехаясь бежит прочь.

Пёс смущён неудачей. Не выплеснутая боевая ярость, застывая в сердце, превращается в тяжелую озлобленность. Чёрная шерсть на открытом солнце начинает будто пылать, и пёс вынужден поскорее вернуться под защитную сень крыши. Разочарование и жажда мщения гложут его.

Вождь не сдвинулся и на пядь, чтобы помочь ему покарать нарушителя границ. Будь они вместе, у той блохастой твари не было бы не единого шанса уйти. Но вождю чуждо упоение битвы, не влечёт его азарт погони, и плачь вражеских вдов не ласкает его ухо, как, в общем, и любые другие благородные забавы. Ему бы ковыряться в земле весь день, а потом сидеть перед шумным ящиком с бутылкой вонючей пенящейся отравы, от которой у него подкашиваются ноги. У вождя большие возможности, но он глушит их отравой и день за днём проживает жизнь, неотличимую от жизни тупого голубя.

Вождь зашевелил ногами под столом и вновь пихнул пса, заставляя того сдвинуться с места. Пёс неохотно отполз в сторону.

«Не вечно тебе быть вожаком! Вот только ты одряхлеешь с годами, и тогда я стану во главе стаи. И уповай лишь на мою милость!» — раздраженно подумал чёрный пёс, но тут его внимание вновь привлекла тень, что промелькнула под крышей. Верно, то маленькая прохвостка вернулась в гнездо. Но не успел пёс расслабиться, как из-под крыши раздалось отрывистое карканье.

Чёрный пёс презирал ворон. Те всегда уклонялись от открытого боя и действовали подло, как правило исподтишка: могли подлететь к спящему псу и сильно дёрнуть за хвост, после чего тут же упорхнуть; не раз воровали еду из его миски, да и вообще, не имели ни малейшего уважения к частной собственности.

Не питал к ним особой приязни и сам вождь, а значит — это не гость, а незваный чужак, на которого распространяются известные силовые инструкции.

Зная проворство и хитрость ворон, пёс не покинул тень, но, приняв изготовку, стал наблюдать за гнездом из укрытия — быть может, ворона совершит неверный ход.

Долго ждать не пришлось.

Серая птица, на вид весьма облезлая, разворошив чужое гнездо, принялась боязливо осматриваться по сторонам. Уже скоро маска смущения была отринута прочь, и ворона гордо расправила крылья. Она глядела на вождя, но пса, верно, не заметила. А затем дура совершила совсем странное — сорвавшись с гнезда, она спикировала вниз, хлопнув крыльями перед самым носом вождя.

Инстинкты пса сработали безотказно. Идеальная атака, превосходный па. Пернатая не успела даже каркнуть на прощание, как слабые крылья её переломились в мощных челюстях.

«Ничего сегодня делать не буду! — твердо решил для себя человек. — Здоровье не казённое... В такую-то жару! Я не для того сорок лет пахал на заводе... Мне правительство ещё много задолжало... Нельзя всё это так оставить!»

Бессвязные размышления человека, что покачиваясь стоял посреди кухни, прервала его супруга, которая настойчиво зазывала его из другой комнаты. Человек проигнорировав другого человека, чуть дрожащими руками налил себе кофе и отправился на террасу.

Человеку нравилось на террасе. Всё для него здесь было знакомо и доброжелательно. Пышные кустарники перед домом скрывали его от назойливых соседских глаз, в то же время сам он всегда имел возможность отодвинуть ветку-другую и разведать текущую обстановку в округе. Покатая крыша террасы обеспечивала надёжную защиту от непогоды и, что немаловажно, от масонских спутников. Не то чтобы человек доподлинно был уверен во всемирном заговоре всяческих Ротшильдов-Рокфеллеров, но каждый раз, оглядывая платёжные квитанции, ему невольно верилось именно в такое мироустройство. Поэтому при строительстве на всякий случай под черепицу он положил слой фольги. От этого ли, а может по какой другой причине, на террасе человек чувствовал себя особенно безопасно. Даже в такую духоту как сегодня человеку дышалось здесь чуть легче и свободнее.

Горький кофе, скорее по привычке и необходимости, нежели с удовольствием, был немедленно выпит. Сонливая апатия прошла, и у человека проявился интерес к жизни. Человек задумался. О чем же задумался человек?

Размышлял человек о том, что в этом году на его участке уродилась отличная клубника. И если не налетит поганое воронье, или какая другая напасть не случится, то он сумеет ее выгодно продать, а на вырученные деньги обязательно купит новый телевизор, чтобы встретить тоскливую зиму в высоком разрешении. Идеально!

Сторожевой кабель выглянул из-за угла дома и, увидев хозяина, немедленно направился к нему. Человек коротко потрепал пса по загривку, после чего тот упал ему под ноги.

«Отличный пёс попался, своих денег стоит! А я еще поначалу собирался его держать на привязи. Злой такой, что все в округе знают, что ко мне не суйся без приглашения. И никаких ворон на участке... Кротов и тех всех передушил. А меня то как любит! Ой, как любит, меня только одного и уважает. Верно говорю?» — подумал

человек и легонько ткнул черного пса ногой в бок. В ответ тот лишь приглушенно заворчал.

С потолка раздался звонкий щебет. Человек поднял голову и посмотрел на небольшое гнездовье, где вот уже сколько недель высиживала своё потомство маленькая ласточка. Человека раздражал поселенец, потому как бесконечными трелями своими часто мешал ему спать. Жена человека обещала проклясть того, если он попытается навредить прекрасному животному, что снизошло до их хибары и обустроила здесь своё гнездо. Человек, не в силах возразить, повиновался, но в сердце пообещал себе разбить гнездо, как только последний птенец выпорхнет из него.

В гнезде сидела ласточка-мать и, казалось, очень внимательно, как будто даже осмысленно, смотрела на человека. Человек отвёл взгляд. Из-за воспоминаний об угрозах старухи у него испортилось настроение.

«Всю жизнь проживаешь под гнетом... То начальство, то государство, то семья... Даже на старости лет не оставят в покое, не дадут жить по собственному ощущению. И всё не по добру просят, а велят: с помощью угроз или шантажом. Словно я пёс какой...»

Впрочем, в такую жару не хотелось даже сетовать на судьбу. Ничего не хотелось. Может только освежиться. Человек украдкой оглянулся в окно, ведущее в дом. Никого. Старуха, должно быть, пол дня сегодня пролежит в постели. Человек приподнял сидалище кресла и во внутреннем отсеке отыскал холодильную сумку, что вчера сам же здесь и припрятал. Из прохладного её нутра он извлек влажную бутылочку пива. Улыбка невольно растянулась по лицу человека. Хорошо. В сумке ещё две таких, и в целом день может пройти легко и приятно.... И раз уж сегодня выходной, можно позволить себе расслабиться уже с самого утра.

Дальше день потёк куда интереснее. Человек выпивал и предавался воспоминаниям, что от давности лет заметно потускнели и потеряли форму, но всё ещё будоражили дух. Хорошие воспоминания сменяли

плохие и наоборот. И что раньше казалось хорошим, теперь вспоминалось с дурнотой; а от чего было не по себе — ныне представлялось крепким и верным. От некогда страшного теперь появлялась улыбка, а от прежнего веселья хотелось в сердцах сплунуть. И всё же любые воспоминания кончаются грустью, пусть хоть и светлой. Утверждаешься лишь: чего бы изменить — не изменишь, чего бы повторить — уже не повторишь. И вся жизнь как сон прошла. И лишь один обман менял на другой и на третий. И никакого никому дела до твоего трепещущего сердца. Вздохнул человек и прикрыл глаза. То ли от хмеля, то ли от нахлынувших чувств привиделось человеку следующее:

Видит он свой земельный надел, только нет на нём ни обветшалою порядком дома его, ни перекопанных земляных гряд с клубникой, ни чучела, что возвышалось над ними. Нет ни жены, ни детей здесь. На шести родных сотках нет государства, и не видно Ротшильдов с Рокфеллерами. Пусто, свободно. Не чувствуется даже проклятой жары, наоборот — весьма прохладно. Посреди участка, вся покрытая инеем, растёт алая роза — одинокая и гордая. От мороза сохнут и чернеют её лепестки, и всё же она ещё полна жизни. С севера валят лиловые тучи — ясно, что грядёт пурга. И толстыми тяжёлыми слоями ляжет снег на одинокую розу. А весной, когда снег сойдет, от неё не останется и стебелька. И никто не узнает, что она когда-либо была на свете.

Всё это ведение промелькнуло перед человеком за миг, словно одним объёмным кадром. Кольнуло в сердце у человека — стало ему жаль прекрасную розу. Верно то, что никто не увидит её красоты за этим косым забором. А если роза не откроет свою красоту хоть бы кому-то, кто это сможет оценить, сам факт её существования становится бессмысленным. Зазря она росла, тянулась к солнцу, принимала форму.

Человек отогнал от себя неприятные и довольно странные ощущения. Глупо это всё. Он совершил затяжной глоток и почувствовал, как горьковатый пьянящий напиток разливается по

нутру. Картина мира смазалась и выглядела уже куда приятнее, чем секунду назад. Так-то лучше. И ничего лишнего.

Внезапно чёрный кабель выскочил из-под стола и помчался к забору, вдоль которого прогуливалась соседская кошка. Грациозное животное, не дожидаясь скорой расправы, запрыгнула на забор и через секунду была такова.

Данная сценка повеселила человека.

«Хорошее приобретение, своих денег стоит», — в очередной раз подумал он. Прогнав неприятеля, пёс вернулся на место. И снова потянулся ленивый жаркий день.

Вскоре человек уже порядком захмелел. Бессистемно он переводил взгляд из стороны в сторону, ни на чём не задерживаясь и ни о чём особенно не задумываясь. Человеку было хорошо. Все тревоги растворились, и ничто не отвлекало его от пустого безоценочного созерцания.

Вороний кар, раздавшийся где-то совсем рядом, заставил человека включиться в реальность и осмотреться по сторонам. Проклятое воронье сделалось больно умным — они стали слишком быстро понимать, что пугало не несёт в себе угрозы. И если он хочет новый телевизор, он должен следить за крылатым отребьем.

Только старик подумал об этом, как большая ворона, словно из ниоткуда, появилась у него перед самым носом. Человек не успел даже выругаться от удивления, как пёс, словно чёрная молния, вылетел наперерез птице и смял её прямо на лету. Только перья посыпались на дощатый пол, и кровью окрасились белоснежные клыки пса.

Сначала человек растерялся, и некоторое время ему понадобилось, чтобы прийти в себя. Но когда он смекнул, что произошло, задорный смех сам собой вырвался у него из груди. Вволю отсмеявшись, человек широкой мозолистой ладонью схватил пса за загривок и с

силой прижал его к земле, другой рукой пытаюсь вытащить из его пасти воронью тушку. Пёс угрожающе рычал и упирался, но всё же подчинился. Человек с довольством огляделдохлую птицу, держа её за край крыла. Удовлетворив любопытство, человек вышел с террасы и, щурясь от солнца, направился в сторону огорода. Он пронёс трупик облезлой вороны мимо грядок с клубникой, где тень неумолимого пугала легла на них. Подойдя к забору, человек, размахнувшись от плеча, зашвырнул убиенную птицу далеко за ограду, на задворки. Затем человек, отряхнув руки и утерев пот с лица, отправился домой, чтобы поведать другому человеку о случившемся.

Совсем скоро, как и обещала маленькая ласточка, она уже мчалась в сторону гнезда, рассекая кончиками крыльев горячий летний воздух. Никакого улова в этот раз её не ожидало, потому как днем установилась столь нестерпимая жара, что вся гнусь испарилась в попытке спрятать свои ничтожные тела от яростного лица немилосердного солнца. Впрочем, ни пустой желудок, ни обжигающие перья лучи не омрачали рассудок прекрасной птицы. От кончика точёного клюва, до острой вилки хвоста её хрупкое тело пронизывал невидимый глазу стержень. Он был отлит из сладостного предвкушения, всеобъемлющей гордости и великой ответственности, что поочередно зародились в молодой матери и день ото дня укрепляя её тело и дух. Опираясь на этот стержень, маленькая птичка могла бы за раз обогнуть весь мир и, если понадобится, нашла бы силы развеять все тучи на небе.

Поднырнув под покатую крышу человеческого убежища, славная ласточка окунулась в густую тень. Прохладный воздух чуть слышно зашумел между перьями, как ей показалось, нашёптывая тревожные вести. Человека и пса не было на своих местах, лишь только вытянутые тёмные бутылки возвышались над столиком. На шершавом деревянном полу широким веером были раскиданы длинные грязные перья, поломанные и смятые. Можно было поклясться, что ранее их здесь не было. Открывшаяся картина, без

сомнений, имела дурной характер. В груди ласточки кольнуло, словно маленькая игла, неясная тревога прошла сквозь её ребра. Внутренности её тут же заглодели, а голова закружилась. Не задерживая более взгляда на мрачных останках, она поднялась к потолку. Гнездо выглядело как и раньше, и ничто не выдавало беды, но ощущение потери, ещё не ясной, уже зародилось в грудной клетке молодой матери. Маленькая птаха на лету силилась разглядеть драгоценные яйца сквозь чернеющий овал входа, но плотный балдахин мрака скрывал реальность внутри него. Крылья птички с каждым взмахом всё больше тяжелели, а взгляд дрожал. Всё сильнее она напрягала глаза — так, что её внимание превратилось в единый тоннель, соединенный с уже совсем близким гнездом. Почти в беспомыслии от одолевшего её ужаса маленькая ласточка влетела в гнездо, и мрак окутал её от кончика точёного клюва до острой вилки хвоста.

И нет свидетелей, кроме что Бога, кто мог бы поведать о том, что почувствовала славная ласточка, когда увидела разорённую кладку и мелкие осколки скорлупы — всё, что осталось от её гордого наследия. Стержень внутри, бывший некогда средоточием жизненных сил, разом раскололся на тысячу острых ядовитых осколков, что пронзили невыносимым горем душу крохотной пташки. Полная безумия ласточка, словно метеор, вылетела из омертвевшего в одночасье гнезда и, не имея других путей, устремилась прямо в голубое безмятежное небо. Истлевая на лету, сжигаемая горем в сто крат сильнее, нежели и адским огнём то было бы возможно, несчастная птаха, взмыв высоко над миром, рассыпалась в прах. Подхваченный ветром из-под её крыльев пепел стал расползаться по небу, образуя тяжёлые дождевые облака. Облака эти были столь черны и плотны, что более ни единый солнечный луч не проходил сквозь попону скорби, в которую обернулась душа молодой матери.

Застыл мир, и всякая тварь, попав под сень тех туч, оцепенела в тотчас. В беспросветной темноте и звенящей тишине вдруг раздался гром, в котором отчётливо послышался последний крик умирающей ласточки. И на раскалённый солнечным огнём мир пролился

прохладный дождь. Тугие косы его приносили облегчение и исцеление всему, на что ложились. Жухлая трава напитываясь зеленела, а высушенные гады оживали и дёргали лапками, озирая мир стеклянным взглядом. Чёрный пёс вылез из конуры и хватал широкой пастью большие капли, что остужали его ярость. И не было в нём больше страха. Два человека вышли на крыльцо поглядеть на внезапное ненастье и с удивлением на лицах подставляли сморщенные ладони из-под крыши, с наслаждением вдыхая прохладный свежий воздух. Они охали и крутили головами, и были увлечены, и улыбались как дети. И хоть тому может и нет доказательств, но все, кто был причастным, скажут, что то были слёзы избавления о несбывшихся мечтах и несчастной судьбе. И слёзы те лились с небес до самого вечера, пока не истончились и не иссякли горестные тучи, обнажив за собой высокое небо, пронизанное яркими точками звёзд. И была спокойная тихая ночь. И в ней зарождалась новая жизнь. И мир готовился к новой алой заре, что настанет, как и тысячу раз прежде, в назначенный час.